

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(4)

doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.175-188

ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО АНТИКЛЕРИКАЛИЗМА НА ИЗУЧЕНИЕ «ВОПРОСА БЕКЕТА» БРИТАНСКИМИ ИСТОРИКАМИ XVIII ВЕКА

Н.И. Егоров

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена изучению трудов ряда английских историков XVIII в., в которых рассматриваются жизнь и деятельность Св. Томаса Бекета, а также его взаимоотношения с Генрихом II Плантагенетом. В ходе анализа работ П. де Рапена, Дж. Литтлтона, Д. Юма, Э. Бёрка, Д. Берингтона и прочих исследователей выявлены индивидуальные особенности воззрений историков по «вопросу Бекета», методологическое наполнение их сочинений и взгляды на фигуру Т. Бекета. Определена степень взаимовлияния идей, изложенных в сочинениях этих авторов, их религиозно-политических представлений (убеждений), а также роль исследователей в формировании новых историографических направлений в английском историописании XVIII в. Выделены три основных периода изучения «вопроса Бекета» в XVIII в.: период «кружка Рапена» (представленного им самим, Дж. Олдмиксоном, Дж. Локменом, Дж. Литтлтоном и Э. Бёрком), период Д. Юма, и этап ответной католической реакции Д. Берингтона. Сделан вывод, что под влиянием работ П. де Рапена и его последователей в английской историографической традиции закрепился крайне негативный образ Св. Томаса Бекета, который персонифицирует в их трудах темное католическое прошлое Британии.

Ключевые слова: Томас Бекет, Генрих II, историография XVIII в., история Англии, история Церкви

«Вопрос Бекета»¹ стал объектом пристального внимания со стороны исследователей начиная с XVIII в. и остается таковым до сих пор. Под «вопросом» историками, как правило, понимается период жизни Томаса Бекета после его рукоположения в сан архиепископа Кентерберийского в 1162 г. и до его убийства в 1170 г., во время которого происходит ряд событий², до настоящего времени вызывающих крайне неоднозначные оценки исследователей.

Избрание нами восемнадцатого столетия в качестве отправной точки настоящего исследования не случайно, ввиду того что именно на него приходится ряд серьезных перемен в философской, политической и общественной мысли

---

¹ В англоязычной историографической традиции «вопрос Бекета» обычно обозначается как “Becket’s Controversy”.

² Ссора Т. Бекета с Генрихом II Плантагенетом из-за положений Кларендонских конституций, последовавшее за этим бегство архиепископа и возвращение в Англию.

в Европе, и в Англии в частности. Распространение идей рационализма во второй половине XVII в. (прежде всего во Франции) в итоге перекочевало из плоскости философской науки в плоскость исторической. Это привело к радикальному пересмотру роли и самой сути ремесла историка, которое перестало подразумевать лишь сбор, хранение материалов и последующее описание исторических событий. Отныне неумение историком изыскивать причинные и следственные связи событий, мотивы их творцов и основывать свои суждения на применении логических и критических методов анализа фактов, а также подбора и анализа источников стало считаться дурным тоном [1, р. 47]. Расширение проблематики и затрагиваемых исследователями аспектов привело к появлению целого ряда монументальных, обширных сочинений, посвященных истории Англии. Среди них можно выделить несколько работ, где, в частности, рассматривается фигура Т. Бекета и его противостояние с Генрихом II. Этому эпизоду из истории церковно-государственных отношений уделено значительное внимание такими историками, как Поль Рапен де Туара (Paul Rapin de Thoyras, 1661–1725), Джон Олдмиксон (John Oldmixon, 1673–1742), Джон Локман (John Lockman, 1698–1771), Джордж Литтлтон (George Lyttelton, 1709–1773), Дэвид Юм (David Hume, 1711–1776), Эдмунд Бёрк (Edmund Burke, 1729–1797) и Джозеф Бёрингтон (Joseph Berington, 1743–1827).

Изучение отражения фигуры Св. Томаса Бекета в английской историографии XVIII в. является актуальным, поскольку позволяет проследить развитие сразу нескольких отраслей и разделов истории (истории Средних веков, истории Церкви и исторической биографии) в период ее зарождения как науки. Для отечественного исторического знания данная работа уникальна тем, что дает возможность взглянуть на довольно редко затрагиваемую даже в самой Британии проблему освещения личности и обстоятельств жизни и смерти Т. Бекета как на один из первых примеров вигистской ревизии католического прошлого Англии.

В первую половину восемнадцатого столетия в Англии появился ряд работ, с одной стороны, уникальных и дающих собственную трактовку событий и оценку личности и действий Т. Бекета, но с другой – обладавших одной общей чертой. Эта черта заключалась в «единоначалии» работ Дж. Олдмиксона, Дж. Локмана, Дж. Литтлтона и Э. Бёрка, которые были созданы в той или иной степени в подражание труду Поля де Рапена, ставшего одним из самых влиятельных и популярных историков Англии в первой половине XVIII в. [1, р. 47]. Его труд, впервые выпущенный в Гааге в 10 томах под названием “*Histoire d’Angleterre*” («История Англии»), в Англии вышел в 8 томах в переводе Николаса Тиндала в период с 1721 по 1731 г. [1, р. 52]. В своей работе он описывает историю Англии, начиная с доримских времен и заканчивая эпохой своих относительно недавно почивших современников – Вильгельма Оранского и королевы Марии II.

Однако П. де Рапен примечателен для нас тем, что залогом закрепившейся за его сочинением безоговорочной репутации авторитетного и непредвзятого исследования среди английских исследователей было иностранное происхождение автора [1, р. 85]. Согласно господствовавшему в английском обществе первой половины XVIII в. мнению, это позволяло его точке зрения быть лишенной одного изъяна – национального пафоса, который был присущ работам английских историков того времени [2, р. 146]. «Незамутненный» взгляд на историю

Англии П. де Рапена, изучавшего ее с позиции отстраненного, незаинтересованного наблюдателя, вызывал больше доверия, чем взгляд любого английского исследователя, который не мог быть достаточно критичен к собственной стране и ее прошлому [2, р. 149]. Необходимо отметить, что его труд действительно показал довольно высокий для своего времени уровень работы, и прежде всего – с источниками, которые были не только светского, но и церковного происхождения. Это вкупе с предпринятой им попыткой глобального осмысления природы конфликта Т. Бекета и Генриха II и его исторических предпосылок придавало исследованию известную степень объективности в глазах других историков и общественности [1, р. 55].

Тем не менее вопрос о непредвзятости П. де Рапена как исследователя, на наш взгляд, все же остается открытым. Будучи французским гугенотом, бежавшим в Англию во время Славной революции, спасаясь от религиозных притеснений у себя на родине, он долгое время находился при дворе Вильгельма Оранского, а затем и королевы Марии. Данный аспект его биографии может объяснить нам, почему в его сочинении рефреном проходит идея поиска в истории Англии обоснований для существования в этой стране общественно-политической системы отношений, состоявшей из триады «корона – церковь – общество» и доказательств превосходства сословно-представительской монархии и протестантской религии, отстаивавших у церковников светские права и свободы, над католическими странами. Одним из его основных доводов против католицизма в частности стало то, что он (католицизм) исказил «примитивную чистоту» (primitive purity) церкви злоупотреблениями со стороны духовенства, превратив религию к концу IX в. в суеверие (R., р. 79).

Основная идея, которую он активно продвигал в своей работе, заключалась в том, что Церковь в Англии до успешного проведения ее реформации, являлась иностранным институтом, действовавшим не по законам страны, а в соответствии с каноническим правом, создаваемым в Риме при папском дворе, которое никак не согласовывалось с королем и было вне его юрисдикции (R., р. 478). Противостояние Т. Бекета и Генриха II он рассматривает не только как личный конфликт, но также в контексте общей ситуации, которая явно сигнализировала о давно назревавшем кризисе, возникшем после 1066 г., когда нормандские короли, как он пишет, «единолично захватив власть, не делали различий между клиром и мирянами в том, что касалось повиновения. Для обоих их власть была непререкаема»³ (R., р. 212). Это, безусловно, явилось серьезным ударом для английских клириков, привыкших к «податливости» англосаксонских королей, даровавших им за время своего правления привилегии и богатства, сравнимые с собственными. В трактовке П. де Рапена католическая церковь в XII – XIII вв. находилась в постоянном конфликте с сопротивлявшимися ее стремлению к возвращению утраченных и приобретению еще больших привилегий светскими властями. Это, по его мнению, шло вразрез с духом «естественных прав и свобод», которые якобы были гарантированы сложившимися при англосаксонских королях правовыми обычаями и оставались нетронуты нормандскими (R., р. 229) и которые он называет «древними английскими конституциями» (Ancient English Constitutions) (R., р. 227).

³ Перевод здесь и далее наш. – Н.Е.

Генрих II как правопреемник королей Нормандской династии выступал в данном случае в качестве защитника интересов государства, твердо придерживаясь своей позиции о недопустимости требований Томаса Бекета расширить судебную и финансовую независимость Церкви и подчиненных ей клириков, что могло ввергнуть страну в эпоху двоевластия. В своей оценке деятельности и личности архиепископа П. де Рапен был крайне однозначен, считая его человеком властолюбивым, распущенным и ненадежным, променявшим благосклонность своего друга и господина (Генриха II) на папскую. Т. Бекет, будучи обласканным властью еще на посту канцлера, как полагает П. де Рапен, должен был, по задумке Генриха II, стать проводником его воли в церковных кругах и покончить с произволом, чинимым неподсудным королевскому суду клиром (R., p. 227). Однако рукоположение несколько не изменило натуру Т. Бекета, а лишь увеличило его тягу к власти (R., p. 233). Будучи осведомленным о том, что даже тяжкие преступления, такие как убийство, насилие или воровство, совершенные представителями духовенства, отдаются на рассмотрение духовных судов и, как следствие, получают оправдание (R., p. 227), он совершает «преступление», вероломно отказавшись от подписания Кларендонских конституций, так как согласие подписать их могло спровоцировать недовольство им со стороны папы Александра III, который для него был большим авторитетом, чем король (R., p. 227).

Свою приверженность папской митре Т. Бекет не оставлял и после того, как был вынужден отправиться в изгнание во Францию. Будучи изолированным и лишенным поддержки со стороны большинства английского клира, который быстро переметнулся на сторону Генриха II, он демонстрировал свою непримиримость с королем, отправив тому письмо с явным намеком на возможность отлучения от церкви в случае, если король не прекратит его преследование (R., p. 228). Это, по мнению П. де Рапена, свидетельствовало о крайней степени высокомерия, которое лишь усилилось у Т. Бекета после того, как под нажимом папы ему в итоге было дано королем разрешение вернуться на престол в Кентербери. Дальнейшие его действия, а именно анафемизация тех, кто каким-либо образом способствовал его низложению, были сродни объявлению войны Генриху II, так как помимо лояльного королю высокопоставленного клира отлучению от церкви подверглись и светские лорды (R., p. 229). Результатом стало знаменитое восклицание Генриха II: «У меня не было и не будет друзей до тех пор, пока меня оскорбляет этот надменный поп!» (R., p. 231), которое послужило триггером для четырех рыцарей, убивших архиепископа в Кентерберийском соборе. Сам П. де Рапен не склонен обвинять Генриха II в организации убийства прелата, справедливо замечая, что «из-за времени и места убийства у покойного архиепископа появилось больше друзей, чем он когда-либо имел при жизни» (R., p. 232).

Подытоживая свое исследование, П. де Рапен задается вопросом, «оказался ли Бекет в раю или в аду» после убийства, тем самым подвергая сомнению его статус святого – мученика (R., p. 232). Заметим, что многие клирики, бывшие коллеги Т. Бекета, считали, что его смерть явилась карой за чрезмерную гордыню и что он заслуживает анафемы (R., p. 232). Напротив, для мирян чудеса, свершавшиеся на месте мученической смерти прелата, были несомненным доказательством его святости. Сам же П. де Рапен, делая свое заключение по этому

поводу, тем не менее, оставляет последнее слово за читателем: «Если бы только эти чудеса были доказаны с таким же усердием, как распространялись о них слухи. Но как бы то ни было, Бекет все же был признан мучеником; однако остается неясным, по чьей воле это произошло – Бога или Папы и духовенства?» (R., p. 232).

Публикация «Истории Англии» П. де Рапена вызвала широкий интерес у английской публики [2, p.148], важнейшим стимулом которого стало то обстоятельство, что автор был родом из католической страны (притом что сам он был протестантом). Его критичный, подчас враждебный тон в адрес католиков вкупе с превознесением английских идеалов гражданских свобод, безусловно, резонировал с общим настроением британской публики⁴. К концу первой половины XVIII в. его видение «вопроса Бекета» стало почти каноничным и обрело множество последователей [3, p. 45]. Наиболее известными из них стали Дж. Литтлтон и Э. Бёрк, работы которых во многом следуют за П. де Рапеном в оценке событий, связанных с Т. Бекетом и Генрихом II. Однако их сочинения вышли только во второй половине XVIII в.: первые издания – «Эссе к краткому изложению истории Англии» (“An Essay Towards an Abridgment of the English History”) Э. Бёрка в 1757 г. и «История жизни короля Генриха II и эпохи, в которой он жил» (“The History of the Life of King Henry the Second and of the Age in which he lived”) Дж. Литтлтона в 1767 г.

Что же касается сочинений, появившихся в период между изданием труда П. де Рапена и работ Э. Бёрка и Дж. Литтлтона, то здесь, на наш взгляд, можно выделить несколько довольно популярных в свое время авторов. Наиболее ранним из известных нам сочинений является вышедшая в 1726 г. «Критическая история Англии, церковная и гражданская: где ошибки писателей-монахов разоблачаются и исправляются» (“The Critical History of England, Ecclesiastical and Civil: Wherein the Errors of the Monkish Writers, are Expos’d and Corrected”) Джона Олдмиксона⁵. Работа имела довольно большой успех: тираж первого издания насчитывал несколько тысяч единиц и был быстро раскуплен [1, p. 76]. В ней Дж. Олдмиксон четко заявляет о приверженности новому принципу рапенновского исторического «конституционализма» и пишет следующее: «Что может быть более необходимым, чем установление народного права в том, что их больше всего волнует, в их религиозных и гражданских свободах, и может оправдать ход нынешней эпохи посредством прошлых? Что может быть полезнее, чем подтверждение наших английских принципов принципами наших предков, того, что революция является древней и неотъемлемой частью нашей конституции?» (O., p. ii). Дж. Олдмиксон, так же как и П. де Рапен, критикует общее состояние Церкви в Англии и попустительство саксонских королей в ее отношении: «За несколько лет до прихода норманнов, духовным лицам стали настолько чужды благочестие и христианская литература, что они едва ли могли прочесть литургию...

⁴ «Религия папистов» стойко ассоциировалась у большинства англичан с правлением крайне непопулярного в народе короля-католика Якова II Стюарта, бежавшего после Славной революции в поддерживавшую его Францию.

⁵ Дж. Олдмиксон был торговым представителем в порту в Бристолье, а также писал памфлеты и эссе на политические темы (в основном направленные против тористов (сторонников партии Тори)) [4, p. 147]. Однако к середине 10-х годов XVIII в. он был обвинен в недобросовестном исполнении контрактов, из-за чего потерял свою должность и перебрался в Лондон, где занялся сочинительской деятельностью, создавая пьесы для театров и продолжая издавать небольшие эссе на исторические и политические темы [1, p. 76].

Монахи носили красивые одежды и не соблюдали правил своих орденов. Преемственность [апостольская. – *Н.Е.*], на которую претендуют самые невежественные из приходского духовенства, была передана им из очень слабых рук бриттов и саксов» (О., р. 82–83).

В изложении и оценках конфликта между архиепископом и Генрихом II автор следует уже проложенному его предшественнику пути, указывая на то, что «Томас Бекет был канонизирован за присущую ему надменность и бунт против своего господина, который был к нему так добр» (О., р. 84). Стремление Т. Бекета вывести из-под юрисдикции светских судов клириков, совершивших даже тяжкие преступления, такие как убийство, грабеж и пр., Дж. Олдмиксон представляет как главнейшую причину конфликта (О., р. 85). Вину за «разрешение вопроса» автор перекладывает на исполнителей убийства: «Что до убийства, то вина лежит на главаре убийц; ничто не может его оправдать так же, как и бунт, надменность и упрямство Бекета» (О., р. 85). Тем самым Дж. Олдмиксон не признает за Генрихом II вины в убийстве прелата и заявляет, что «ни в коем случае честное мнение не может оправдать его [Т. Бекета. – *Н.Е.*] попыток уничтожить Конституции Королевства» (О., р. 86). Последовавшая за убийством канонизация и создание культа Т. Бекета-чудотворца использовались, по его мнению, с целью усиления «церковной тирании» (*ecclesiastical tyranny*), а сам факт его убийства со стороны Рима преподносился как доказательство посприятия Генрихом II «апостольской преемственности» (*apostolical succession*) власти папы над всем христианским миром (О., р. 86).

В 1729 г. писатель и переводчик-самоучка Джон Локман также издает весьма необычное и противоречивое произведение «Новая история Англии, вопросы и ответы: отрывки из работ самых известных английских историков, в частности Мистера де Рапена-Туара» (“*A New History of England, by Question and Answer: Extracted from the most celebrated English Historians, Particularly M. De Rapin Thoyras*”). Крайне примечательны как стиль, так и подбор автором произведений, скомпилированных в его работе: изложение исторических событий Дж. Локман представляет в виде своеобразного диалога⁶, где он сам задает вопросы и сам же на них отвечает. Что касается источников, на которые он опирается, то основной их массив, вопреки заголовку, представлен работами французских историков, в частности Феликса де Жувеналь де Карлансаса (*Félix de Juvenel de Carlenças*) и П. де Рапена (работу которого он называет наиболее исторически аккуратной и полной, и посредством которой он исправлял ошибки де Карлансаса и других, не названных им авторов) (L.J., р. V).

В изложении основных событий конфликта между архиепископом и королем Дж. Локман повторяет нарративную линию П. де Рапена, опуская, однако, при этом довольно много деталей (прежде всего биографических⁷), а также не раскрывая, в отличие от последнего, более ранних и глобальных исторических предпосылок конфликта, но заявляя, что краеугольным камнем стал вопрос о посягательствах Генриха II на права Церкви (L.J., р. 66). Сам ход конфликта описывается

⁶ К примеру, в разделе, посвященном Генриху II, он задает вопрос: «Был ли он [Генрих II. – *Н.Е.*] удачлив во всех своих походах?» (L.J., р. 64); ответы дает в виде экстракции из чьего-либо текста либо краткого пересказа.

⁷ Здесь Дж. Локман ограничился довольно скудным описанием: «Он занимал видное место при дворе, будучи канцлером и воспитателем юного принца Генриха, и считался истинным человеком двора» (L.J., р. 66).

автором довольно кратко, с указанием на то, что изгнание Т. Бекета было следствием созыва Генрихом II «незаконного собрания прелатов, желавших угождать его стремлениям» (L.J., p. 66). В противовес П. де Рапену Дж. Локман не видит в принуждении папой английского короля к миру с бежавшим прелатом какого-либо посягательства на суверенность короны⁸. Что же касается самого главного вопроса, отдавал ли Генрих II приказ об убийстве Т. Бекета, на него автор не дает четкого ответа, указывая лишь, что король после получения ряда ложных доносов публично высказал негодование по поводу того, что никто из его окружения не может избавить его от попа, который принес ему столько унижений (L.J., p. 67). На наш взгляд, некоторая непоследовательность Дж. Локмана в заявленной им самим приверженности идеям П. де Рапена, возможно, вытекает из его природной скромности и неконфликтности⁹. Именно эти особенности его мироощущения не позволили ему полностью принять позицию своего предшественника, что, впрочем, не сказалось на популярности его работы, которая пережила как минимум два переиздания.

«История жизни короля Генриха II и эпохи, в которой он жил» Дж. Литлттона, как следует из названия, посвящена периоду правления Генриха II. В предисловии к книге автор пишет: «Источники для нашей работы, доставшиеся нам от наших предков благодаря их заботе, хоть и не столь полны, как бы нам того хотелось, но все же лучше любых римских. ...Что же касается правления Генриха Второго, то редко в какой период древности или современности можно найти столько, сколько было найдено нами» (L., p. iii). Действительно, одной из отличительных особенностей его работы стало опубликование большого числа документов, в частности переписки Т. Бекета как с Генрихом II, так и с папой Александром III. Однако наиболее важный момент, который позволяет нам смело указать на то, что автор шел по стопам П. де Рапена, заключается в его собственном «признании», которое он также делает во вступлении: «Для меня всегда будет более авторитетным мнение современных писателей (авторов), чем тех, кто отстоят во времени, и я буду всегда направляем теми, кто наиболее информирован по части правды и хорошо разбирается в спорных вопросах» (L., p. iv).

Еще одним ярким свидетельством того, что Дж. Литлттон выступал последователем своего предшественника, является его безоговорочная вера в превосходство современного протестантского порядка над старым католическим, демонстрируемая в следующих строках: «Нет ничего более отрадного для нашего счастливого союза между церковью и государством, чем пристальный разбор тех многих зол, которые мы перенесли, когда в этом королевстве преобладала другая религия и, по ее милости, совершенно другие представления о церковной власти. Даже в отношении гражданской свободы, если сравнить степень ее с той, которой довольствовались наши предки, и той, что была установлена, подтверждена и сохранена нами в соответствии с нашей нынешней конституцией, преимущество наше будет столь велико, что от осознания нашего счастья укрепляется наше стремление в ее (свободы) сохранении» (L., p. v).

⁸ При этом он видит причину наложения интердикта на Англию и отлучения самого Генриха II в том, что тот пошел на сговор с Фридрихом Барбароссой и даже якобы поддержал выдвинутого им (Фридрихом) антипапу Пасхала (L.J., p. 66).

⁹ За кротость характера он при жизни получил прозвище «Ягненок» [5, p. 53].

Что касается рассмотрения противостояния Т. Бекета и короны, то позиция автора здесь предсказуемо совпадает с позицией П. де Рапена. У Дж. Литтлтона архиепископ также предстает в роли честолюбивого карьериста с непомерными амбициями. Историк отмечает растущее влияние и авторитет духовенства в период XII – XIII вв., что явилось следствием одобрения и поддержки со стороны папской власти (L., p. 40). Дж. Литтлтон подчеркивал, что церковные иерархи стремились к полной независимости от светского правительства. Королю, со своей стороны, пришлось бороться с унаследованными пагубными последствиями излишней мягкости своих предшественников по отношению к Церкви, но он все же был вынужден поначалу мириться со многими злоупотреблениями (L., p. 78).

В отличие от П. де Рапена, Дж. Литтлтон и Э. Бёрк концентрируются в своих работах на теме «преступных клириков» как краеугольной проблеме, ставшей яблоком раздора между церковными и светскими властями, и между Генрихом II и Т. Бекетом в частности. При этом они, разумеется, не отрекаются от идей нормандских «естественных прав», а органично вплетают их в логику своего повествования, представляя «вопрос Бекета» как глобальный конфликт между естественным стремлением английского народа к «справедливому управлению» и авторитаристскими замашками клириков.

Дж. Литтлтон повторяет идею П. де Рапена о том, что Генриху II был необходим проводник его интересов среди высших церковных иерархов для воплощения плана по очищению от «преступных клириков» (чьи преступления, содеянные в миру, оставались безнаказанными), отъему у них ряда феодальных привилегий и подведению их под юрисдикцию законов и судов светской, а не папской власти (L., p. 282). Э. Бёрк, в свою очередь, отмечал, что Церковь, благодаря своему экстерриториальному статусу, стала пристанищем для тех, кто стремился избежать наказания, к тому же церковные суды не приговаривали к смерти. Это, по его мнению, во многом способствовало росту нестабильности в Англии того периода (В.Е., p. 453).

«Внезапные перемены» в образе Т. Бекета в бытность его архиепископом (ношение власяницы, соблюдение жесткой аскезы и умеренности, чего нельзя было ожидать от Бекета-канцлера) не остаются без внимания Дж. Литтлтона (L., p. 84). Однако, как и П. де Рапен, он соотносит описание его личности до рукоположения и после и приходит к выводу, что это перевоплощение явилось не следствием его морально-духовного подъема, а лишь формальным соблюдением канонов и стремлением создать образ «ревностного прелата» (L., p. 122).

Дж. Литтлтон, как впоследствии и Э. Бёрк, крайне негативно воспринимал тесную связь Т. Бекета с папой Александром III. В ней оба видели преступное потворствование со стороны Т. Бекета интересам иностранного правителя, акт личного предательства им короля и всей Англии (L., p. 95; В.Е., p. 221). Исходя из этого, они всячески оправдывали те меры, которые предпринимал Генрих II для подавления возможного сопротивления его намерениям избавиться от любой возможной оппозиции его власти. Здесь довольно показателен анализ Дж. Литтлтоном эпизода с изгнанием родственников Т. Бекета. В его интерпретации, жестокость мер, направленных против семьи беглого архиепископа, была не прихотью Генриха II, а следствием «варварского рвення» (barbarous zeal) Ранульфа ле Брока, питавшего неприязнь к Т. Бекету (L., p. 403). Только в одном не сходятся

позиции Дж. Литтлтона и Э. Бёрка – в необходимости убийства Т. Бекета после его возвращения из ссылки. Притом что оба они были согласны, что разрешение вернуться и восстановление его в сане архиепископа Кентерберийского еще больше раззадорило его политические амбиции, убийство стало, по мнению Э. Бёрка, серьезным ударом по репутации короля, так как на того сразу же падала тень подозрений как на лицо, более других заинтересованное в смерти прелата (В.Е., р. 461). Дж. Литтлтон же полагал, что для мирного разрешения конфликта не было никаких предпосылок и что Т. Бекет продолжил бы свою борьбу за власть с еще большим рвением, тем самым еще больше дестабилизируя ситуацию (Л., р. 348). Репутационные потери, которые претерпел в итоге король, несли несоизмеримо меньший вред для него и страны, чем живой Томас Бекет.

Вторая половина XVIII в. была ознаменована выходом революционных для своего времени произведений выдающегося английского философа и историка Дэвида Юма. Идеи эмпиризма и скептицизма, которым Д. Юм старался следовать в своих исторических исследованиях, не были восприняты английской читающей публикой и привели к обрушению на него шквала критики [6, р. 32]. По всей видимости, опасаясь очередного разгрома, Д. Юм в своей «Истории Англии» все же примиряется с идеями господствовавшего вигистского направления в историографии при обращении к столь важному для англичан вопросу, как отношение к их католическому прошлому [7, р. 4]. Впрочем, он не поддерживает предположения о том, что Генрих II лично отдавал приказ об убийстве архиепископа, перекладывая всю ответственность на четырех рыцарей, неправильно истолковавших случайно оброненную им фразу и без ведома своего короля решивших избавить его от назревшей проблемы (Н., р. 418). В его интерпретации король мало чем отличается от того канонического образа, который был создан П. де Рапеном и Дж. Литтлтоном. Образ справедливого правителя, сражающегося ради блага общества и государства с множеством внутренних врагов в лице мятежного духовенства, остается в его трактовке однозначным и непоколебимым. Кларендонские конституции, положениям которых ученый уделил больше внимания, чем его предшественники, он считает лучшим вариантом достижения компромисса между двумя сторонами, а отказ Т. Бекета их принимать служит для него явным свидетельством того, что беглый архиепископ ставил свои амбиции и интересы своего патрона в лице папы выше общественного блага (Н., р. 407). Д. Юм видит в интерпретациях жизни Т. Бекета, созданных как сразу же после его смерти, так и немного позднее, в средневековую эпоху, не просто «продукт» умелого политического манипулирования со стороны духовенства, но следствие глубоко укоренившихся религиозных предрассудков, которые господствовали даже среди самых образованных слоев населения, находившихся в «густом мареве невежества» (*thick cloud of ignorance*) (Н., р. 417). Историк также сетовал на то, что источники той эпохи корреспондировали «извращенную науку», не позволявшую здравому смыслу возобладать над предрассудками, к которым он, в частности, относил провозглашение Томаса Бекета святым и тот культ, что образовался вокруг его фигуры под влиянием слухов, распространявшихся церковниками о якобы чудотворных свойствах его мощей (Н., р. 417).

При всей негативности оценок как личности, так и деятельности Т. Бекета, Д. Юм все же полагал, что он был выдающейся личностью, чья несгибаемость

и напористость могли бы стать хорошим подспорьем для Генриха II в его борьбе с усилением папского влияния, в коем историк видел главную угрозу для Англии дореформационного периода.

Сочинения П. де Рапена, Дж. Литтлтона, Д. Юма и Э. Бёрка, столь яростно порицавшие католиков и одного из главных католических святых, в конечном итоге привели к ответной реакции с противной стороны [8, р. 57]. Попытку реабилитировать Т. Бекета в глазах английской общественности и историков и по-новому рассмотреть его «вопрос» предпринял в 1790 г. преподобный Джозеф Берингтон, опубликовав труд, в котором сосредоточился на критике «Истории жизни Генриха Второго...» лорда Дж. Литтлтона.

Главной целью его «Истории правления Генриха Второго, Ричарда и Иоанна...» (“The History of the Reign of Henry the Second and of Richard and John...”) было описание конфликта между Генрихом II и архиепископом с позиции «объективного обсуждения и справедливости по отношению к предмету обсуждения» (В., р. х). При этом, как он сам признавал, его религиозная принадлежность может повредить непредвзятости его взглядов (В., р. xi).

Д. Берингтон в своей работе прежде всего обратился к средневековым агиографическим текстам, посвященным Т. Бекету, его обширной переписке и хроникам, не забывая при этом и о трудах своих предшественников, которые он подвергает в своем сочинении серьезному анализу и критике, разбирая мотивы их нападок на принявшего мученическую смерть архиепископа. Так, по его мнению, причина, по которой Т. Бекет у П. де Рапена предстает в крайне негативном свете, кроется в том, что, будучи вынужденным покинуть Францию из-за религиозных гонений на гугенотов (к коим он также принадлежал), устроенных Людовиком XIV, «Рапен стремился отомстить за нанесенную ему своим бывшим монархом рану, искажая их взгляды и политику: он очернял религию Рима и её служителей из фанатизма и абсурдной привязанности к своей новой вере» (В., р. xxv). Работу Дж. Литтлтона Д. Берингтон признавал в качестве ценного и обширного сборника документов, однако их толкование автором сводило на нет это единственное ее преимущество (В., р. xxvi). Слепое стремление Дж. Литтлтона к оправданию любых действий Генриха II, будь то изгнание родственников Т. Бекета и конфискация их имущества или нежелание преследовать по закону убийц архиепископа, по мнению Д. Берингтона, компрометирует его компетентность как историка (В., р. xxvii).

Нацеленность Томаса Бекета на вывод Церкви из-под контроля светской власти, и в частности желание архиепископа сохранить контроль над церковными судами, Д. Берингтон объясняет его намерением не допустить смешения канонического права и светских законов и тем самым избавить провинившихся клириков от двойного наказания за одно и то же преступление (так как, согласно положениям Кларендонских конституций, провинившийся клирик должен был после наложения наказания церковным судом, предстать также и перед светским) (В., р. 303). Он утверждает, что с Т. Бекетом все же произошли серьезные внутренние личностные перемены после принятия им сана. Об этом свидетельствует его отказ от гедонистического образа жизни, который он вел при дворе короля, в пользу монашеской аскезы, которая не была предписана церковными канонами иерархам его ранга (В., р. 254).

Кларендонские конституции, которые Д. Берингтон называет «злыми обычаями» (*evil customs*), введенными против Церкви (В., р. 273), являются, по его мнению, актом неправомочного использования Генрихом II королевской прерогативы (В., р. 66). Легитимность самой процедуры создания и принятия этих конституций вызывает у автора довольно серьезные сомнения, в частности обоснование прав короля вмешиваться в дела Церкви посредством использования «древних обычаев королевства» (В., р. 89) без какого-либо дальнейшего их описания. Д. Берингтон также подвергает сомнению идеи «современных историков» (имея в виду, судя по всему, П. де Рапена и Дж. Литтлтона) о «парламентской природе» конституций, указывая, что в ту эпоху в Англии еще не был выработан четкий регламент работы сословных собраний и что иногда сам король единолично или светская знать могли принимать законы без учета мнения церковных лордов (В., р. xxvii). Таким образом, Т. Бекет поступал исключительно верно, отказываясь от подписания незаконно принятых в Кларендоне положений, беспричинно посягавших на закрепленные в законах и правовых обычаях церковные права и привилегии. Последовавший за этим суд, организованный Генрихом II, и вынужденное бегство опального архиепископа во Францию доказывают, что последнему действительно уже тогда угрожала опасность, триумфальное же его возвращение в Англию стало в итоге его фатальной ошибкой.

Убийство архиепископа Д. Берингтон считал жестоким, ничем не оправданным действием, при этом все же не обвиняя Генриха II напрямую в его организации, а лишь отмечая, что обстоятельства смерти прелата были «странными» (В., р. 302). При этом он все же признает, что несгибаемость Томаса Бекета и его ориентированность в большей мере на Рим, нежели на Лондон, могли, в конечном счете, привести к серьезной политической нестабильности, что, впрочем, нисколько не умаляло его значимости для той эпохи и для английских католиков (В., р. 305).

Итогом нашего исследования представляется заключение, что существенными факторами, повлиявшими на видение истории английской церкви, и в частности «вопроса Бекета», оставались религиозные воззрения и предубеждения, носившие острый, злободневный характер. На примере противостояния Томаса Бекета и Генриха II английские историки стремились доказать справедливость и необходимость Реформации в Англии, избавившей их страну от «папского ига», грозившего ее суверенитету и развитию прав и свобод. Поль де Рапен и его последователи вследствие сложившейся религиозно-политической конъюнктуры стали распространителями «выборочного» антиклерикализма (хотя более уместно, на наш взгляд, называть этот феномен антикатолицизмом), с позиций которого в британской историографии на протяжении всего XVIII в. оставалось принятым рассматривать период истории Англии до Реформации.

Источники

- В. – *Berington J. The History of the Reign of Henry the Second and of Richard and John, His Sons: With the Events of the Period from 1154 to 1216 in Which the Character of Thomas A. Becket Is Vindicated from the Attacks of George Lord Lyttleton: 2 v.* – London: J.J. Tourneisen, 1790. – V. 1. – i–xl, 623 p.

- B.E. – *Burke E.* An Essay Towards an Abridgment of the English History // The Works of the Right Honourable Edmund Burke of XII Volumes. – London: John C. Minmo, 1887. – V. 7. – P. 159–488.
- H. – *Hume D.* The History of England: 6 v. – London: T. Cadell, 1796. – V. 1. – 692 p.
- L. – *Lyttelton G.* The History of the Life of King Henry the Second and of the Age in which he lived: 3 v. – London: W. Sandey, J. Dodsley, 1767. – V. 1. – i–v, 578 p.
- L.J. – *Lockman J.* A New History of England, by Question and Answer: Extracted from the most celebrated English Historians, Particularly M. De Rapin Thoyras. – London: T. Astley, 1735. – i–vi, 222 p.
- O. – *Oldmixon J.* The Critical History of England, Ecclesiastical and Civil: Wherein the Errors of the Monkish Writers, are Expos'd and Corrected. – London: J. Pemberton, 1726. – i–viii, 456 p.
- R. – *Rapin de Thoyras P.* The History of England: 8 v. – London: James, John and Paul Knapton, 1732. – V. I. – 849 p.

Литература

1. *Okie L.* Augustan Historical Writing: Histories of England in the English Enlightenment. – Lanham: Univ. Press of Am., 1991. – 248 p.
2. *Sullivan M.G.* Rapin, Hume and the identity of the historian in eighteenth century England // History of European Ideas. – 2002. – V. 28, No 3. – P. 145–162. – doi: 10.1016/S0191-6599(02)00024-4.
3. *Albissin N.G.* Un précurseur de Montesquieu: Rapin-Thoyras. – Paris: Klincksieck, 1969. – 129 p.
4. *Rogers P.* Daniel Defoe, John Oldmixon and the Bristol Riot of 1714 // Transactions of the Bristol and Gloucestershire Archaeological Society. – 1973. – V. 92. – P. 145–156.
5. Dictionary of National Biography. V. 34 / Ed. by S. Lee. – N. Y.: Macmillan & Co., 1893. – 450 p.
6. *Knowles D.* The Historian and Character and Other Essays. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1963. – 388 p.
7. *Vincent N.* Introduction: Henry II and the historians // Henry II: New Interpretations / Ed. by C. Harper-Bill. – Woodbridge: Boydell Press, 2007. – P. 1–23.
8. *O'Day R.* The Debate on the English Reformation. – London; N. Y.: Methuen, 1986. – 156 p.

Поступила в редакцию
29.03.2021

Егоров Никита Игоревич, аспирант кафедры археологии и всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: nikita.matan@yandex.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.175-188

**The Influence of English Anticlericalism
on the Studies of “Becket’s Controversy” Conducted
by British Historians in the 18th Century**

N.I. Egorov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: nikita.matan@yandex.ru

Received March 29, 2021

Abstract

In this paper, some historical writings dating back to the 18th century and focused on the life of St. Thomas Becket and his relationship with King Henry II Plantagenet were considered. In a broad historical context, the causes of the growth in the popularity of anticlericalism in the interpretation of the catholic past by the British scholars during the Age of Enlightenment were singled out and covered in detail. Based on the analysis of the works written by P. de Rapin, J. Oldmixon, J. Lockman, J. Littleton, D. Hume, E. Burke, D. Berington, and some others, the methodological approaches to viewing and portraying the figure of T. Becket were revealed. The “controversy” that accompanies the discourse about him was identified. Based on a thorough investigation of the European political conjuncture in the 18 century and on the ideological and religious affiliation of the above-mentioned scholars, as well as their influence and popularity, three main periods were distinguished in the study of “Becket’s controversy” within the English historiography of that time: the period of the Circle of P. de Rapin (with him, J. Oldmixon, J. Lockman, J. Littleton, and E. Burke) was followed by the period of D. Hume and later by the Catholic reactionism of D. Berington. It was concluded that the works of P. de Rapin and his Circle promoted a negative image of T. Becket and undermined his role in English history over almost the entire 18th century.

Keywords: Thomas Beckett, Henry II, 18th-century historiography, English history, Church history

References

1. Okie L. *Augustan Historical Writing: Histories of England in the English Enlightenment*. Lanham, Univ. Press of Am., 1991. 248 p.
2. Sullivan M.G. Rapin, Hume and the identity of the historian in eighteenth century England. *History of European Ideas*, 2002, vol. 28, no. 3, pp. 145–162. doi: 10.1016/S0191-6599(02)00024-4.
3. Albissin N.G. *Un précurseur de Montesquieu: Rapin-Thoyras*. Paris, Klincksieck, 1969. 129 p. (In French)
4. Rogers P. Daniel Defoe, John Oldmixon and the Bristol Riot of 1714. *Transactions of the Bristol and Gloucestershire Archaeological Society*, 1973, vol. 92, pp. 145–156.
5. *Dictionary of National Biography*. Vol. 34. Lee S. (Ed.). New York, Macmillan & Co., 1893. 450 p.
6. Knowles D. *The Historian and Character and Other Essays*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1963. 388 p.
7. Vincent N. Introduction: Henry II and the historians. In: Harper-Bill C. (Ed.) *Henry II: New Interpretations*. Woodbridge, Boydell Press, 2007, pp. 1–23.

8. O'Day R. *The Debate on the English Reformation*. London, New York, Methuen, 1986. 156 p.
-

Для цитирования: Егоров Н.И. Влияние английского антиклерикализма на изучение «Вопроса Бекета» британскими историками XVIII века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 3. – С. 175–188. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.175-188.

For citation: Egorov N.I. The Influence of English anticlericalism on the studies of “Becket’s Controversy” conducted by British historians in the 18th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 3, pp. 175–188. doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.175-188. (In Russian)